

ПРЕДИСЛОВИЕ

В грандиозном освободительном движении, увлекающем все человечество, необозримым миллионам Азии суждено играть решающую роль. Китай, Индия, Япония, Красная Монголия, Персия, Афганистан, Турция и другие большие и малые страны Востока выходят одна за другой на арену борьбы, становятся активными участниками великой истории нашей современности. Азия, Восток, еще недавно являвшиеся для „цивилизованного Запада“ чуть не сплошной экзотикой, стремительно теряют покров своей таинственности и мистичизма и предстают во всей своей трезвой реальности, куда более захватывающей всяких романов и легенд, созданных необузданным воображением. И все же как мало мы еще знаем Азию! Даже о Китае, который последние два — три года приковывал к себе исключительное внимание, наша советская общественность имеет еще довольно смутное представление. Много хуже обстоит дело с Японией и Индией, не говоря уже о Персии, Турции, Афганистане, тем более Тибете или даже Красной Монголии. А между тем наше молодое советское востоковедение сумело за десять лет своего существования не только накопить богатый фактический и экспериментальный материал по Востоку, но путем нового, радикально отличного от буржуазных востоковедов подхода к азиатским странам, путем применения марксистского метода положить начало новой эры в истории востоковедения.

Как справедливо отметил в своей предсмертной статье тов. Павловнич, наши советские востоковеды ищут для Востока не путей к движению вспять, к старому, проклятому прошлому векового рабства и мракобесия, а путей революционного развития. „При чтении, — писал тов. Павловнич, — многочисленных французских, английских, американских, итальянских книг и журналов, посвященных специально Азии или Африке, кажется, будто все эти писатели поставили главной, если не исключительной, целью отыскание наилучших путей к окончательному подавлению с каждым днем все выше поднимающегося

национально-революционного движения среди колониальных и полуколониальных народов, к восстановлению того „золотого века“, так недавно царившего на черном и желтом континентах, когда сотни миллионов населения этих частей света безропотно сносили иго мирового империализма... Ныне уж не только колониальная сверхприбыль, но порой и прибавочная стоимость, выколачиваемая из трудовых масс метрополии, все более и более поглощается колоссальными расходами на борьбу со все разрастающимся революционным движением в Марокко, Тунисе, Египте, Китае и т. д.“

Словом, прошли „золотые денечки“ империализма: Азия, Восток требуют к себе иного подхода, даже со стороны востоковедов.

„Сегодняшний Китай,—читаем мы в довольно любопытной статье, появившейся еще в 1925 году в наиболее распространенном китайском журнале „Дун-Фан-Цзя-Чи“ („Журнал Восток“),—сегодняшний Китай уже не тот, каким он был всего лишь несколько десятков лет тому назад... Вот почему, чтобы увидеть ясно истинный лик Китая, уже нельзя подходить к нему так, как это делалось раньше—ибо тот, старый Китай уже умер, чтобы больше никогда не воскреснуть—как нельзя к нему подходить с тем поверхностным взглядом любителя „живописной старины“, так как китайская жизнь сложна и поверхностному, дилетантскому взгляду в истинную сущность ее не проникнуть. И вот мы смеем утверждать, что хотя в настоящее время со всеми странами мы находимся в сношениях и хотя в самом Китае живет немало иностранцев, могущих бы, кажется, ясно разбираться в китайских делах, тем не менее ничего подобного мы не наблюдаем: и европейские и американские народы все еще продолжают смотреть на нас попрежнему, попрежнему подходят к нам как к дикарям (может быть, это чересчур резко сказано, но фактически это так и есть). Что же касается долго живущих в Китае господ журналистов, из которых каждый мнит себя китаеведом, знатоком Китая, то в своих статьях и корреспонденциях они или на чем свет стоит ругают Китай или же путают, дурачат своих соотечественников, заставляя их причинять вред нашей стране. Поэтому интерес советской общественности к Китаю, рост советского китаеведения нам приходится только приветствовать. Иной позиции мы не можем и не желаем занимать“.

Мы позволяем себе так подробно цитировать китайский популярный журнал потому, что это меткая характеристика буржуазного европейско-американского китаеведения целиком применима и ко всему

буржуазному востоковедению вообще. Действительно, если „сегодняшний Китай уже не тот, каким он был всего лишь несколько десятков лет (мы сказали бы — несколько лет. А. И.) тому назад“, то разве за этот период не произошло разительных изменений в Турции, Персии, Афганистане, Индии, Монголии — во всей Азии. Разве, чтобы „увидеть ясно истинный лик“ любой азиатской страны, можно теперь „подходить к ней с поверхностным взглядом любителя живописной старины?“

Не продолжают ли и в настоящее время империалисты относиться ко всем азиатским странам „попрежнему“, смотреть на них „как на дикарей“, и наконец разве долго живущие в Азии буржуазные журналисты попрежнему не путают и не дурачат своих соотечественников? Не удивительно, что советское востоковедение, хотя и насчитывающее всего лишь десяток лет, открыло собою новую эру в изучении Востока, и пусть мы все еще в неизмеримо меньшей степени знакомы с самыми основами и экономической и политической структуры восточных стран, чем западных, но все же известное знакомство у нас уже имеется. Беда заключается в том, что это знакомство, эти знания, несмотря на живейший интерес советской общественности к упорной героической борьбе азиатских народов, обычно недостаточно выходят за пределы сравнительно узких кругов. Мы имеем ряд специальных, с весьма ограниченным тиражом периодических изданий, посвященных Азии и Востоку, но ни одного дешевого, популярного журнала в роде, скажем, американской „Эшиа“, в легкой, доступной, а главное — занимательной форме регулярно знакомящего советского читателя с экономикой, политикой, литературой азиатских стран и прежде всего с повседневной революционной борьбой пролетариата и крестьянства Азии. В настоящий момент материала больше чем достаточно, чтобы сделать такой журнал живым, боевым, полным захватывающего интереса. Создание этого журнала, рассчитанного на самые широкие круги нашей общественности, есть, думается, одна из неотложных задач общей кампании за культурную революцию.

Не менее насущной задачей является создание широкой, популярной, занимательной литературы, посвященной Азии, для чего можно (разумеется, с большим разбором) использовать и буржуазных востоковедов. Вот почему инициатива „Молодой Гвардии“, наметившей в своей „Библиотеке экспедиций и путешествий“ целую серию

переводных и оригинальных работ, знакомящих в легко доступной форме с географией, политикой, экономикой, бытом различных азиатских стран, — такая инициатива может быть только приветствуема. Одной из первых работ этой серии является предлагаемая ниже работа англичанина Мак-Говерна, которому несколько лет назад удалось проникнуть в „неизвестную, таинственную страну“ — Тибет — с его „запретным городом“ Лхассой.

Мак-Говерн, несмотря на весь свой либерализм и „почетное звание буддиста“, является истинным сыном империалистической Великобритании. Напрасно искать в его книге марксистского освещения экономической, политической и культурной жизни Тибета. Кроме того, самый срок пребывания его в Тибете слишком краток. И тем не менее его работа представляет значительный интерес, особенно когда в ней идет речь о показаниях очевидца, чье предварительное теоретическое знакомство с Тибетом, изучение ламаизма, а также, что весьма существенно, некоторые познания в тибетском языке гарантировали автора (до известной, разумеется, степени) от неизбежных фактических ошибок всех путешественников, берущихся писать о стране, в которой они пробыли всего несколько недель.

Мак-Говерн дает увлекательно написанный рассказ о своих приключениях, знакомит с суровой природой тибетского плоскогорья, умело зарисовывает ряд живых типов, начиная от забитого тибетского крестьянина, вольнолюбивого кочевника, надменного паразита-монаха и кончая высшими правительственными чиновниками и самим далай-ламой. В то же время он, как бы мимоходом, весьма умело сообщает немало данных, касающихся истории, религии, политики, быта Тибета, равно как и империалистического внедрения Великобритании. Вероятно, кое-что из приводимых им сведений, особенно его подробное описание своего маршрута в Лхассу, представляет известный интерес и для узкого круга специалистов. Но, конечно, это не научное исследование, на что и сам Мак-Говерн отнюдь не претендует. Возбуждая живой интерес к такой своеобразной и в то же время несчастной стране, истощаемой отвратительным паразитизмом бесчисленного количества лам, описание Мак-Говерна часто лишь поверхностно скользит по целому ряду интереснейших вопросов. Например, говоря о тибетских кочевниках, он по существу ограничивается лишь двумя — тремя ценными указаниями. Досадно мало сведений сообщает он и о тибетских крестьянах, хотя и то немного,

что он о них дает, говоря, скажем, о монастырских землях или описывая встреченную им по пути процессию вновь назначенного губернатора, живо рисует все бесправие и гнет, испытываемые крестьянством.

Чего стоит один „тибетский поклон“ простолюдина, когда приходится „открывать рот, высовывать язык, а кулаки сжимать, вытягивая большой палец вверх в знак полного рабопенства“, да еще получать в придачу удар кнутом от озорствующего холопа тибетского аристократа!

Однако великая волна крестьянского движения, что идет по всей Азии, докатилась, повидному, и до забитого тибетского крестьянина. Непосильные палогн, которые требует центральное лхасское правительство, вызвали в августе 1928 г. мощное повстанческое движение в южной части Тибета.

Судя по английской прессе, поводом к восстанию явилось пришествие специальной податной комиссии. Крестьянство не только категорически отказалось от уплаты палогов, но и беспощадно расправилось с членами комиссии. Тогда из Лхассы был послан карательный отряд в 500 человек, наткнувшийся, сверх ожидания, на отчаянное сопротивление. Произошло несколько настоящих сражений. Победителями оказались повстанцы, которые вскоре захватили провинцию Но и создали на местах собственную власть. Им удалось занять одну из крепостей. „Лхасское правительство,—сообщалось в английских телеграммах от конца октября 1928 г.,—опасаясь распространения повстанческого движения, производит мобилизацию, готовя новую экспедицию“.

Как закончилось восстание и закончилось ли оно, ничего не известно. Британское правительство, которое лучше всех осведомлено о том, что происходит в Тибете, предпочитает по возможности меньше пропускать сведений, касающихся опекаемой им страны. Даже такое крупное для тибетской теократии событие, как острый конфликт между далай-ламой и паньчэнь-ламой (гаши-лама), недостаточно освещено. Об открытом бунте в Лхассе против англофильской правящей клики, против иноземных нововведений и в частности против Царонг-шапэ, которого Мак-Говерн прочил в тибетские Бисмарки, английская пресса тоже не распространяется. Из этой прессы мы узнаем лишь, что вскоре после бегства Паньчэнь-ламы в Китай, в 1924 г., Царонг-шапэ выехал — неизвестно, с какой целью—

в Индию, но когда он вернулся, то оказался уже смещенным и вскоре умер (1925 г.), а быть может, и был умерщвлен реакционными ламами.

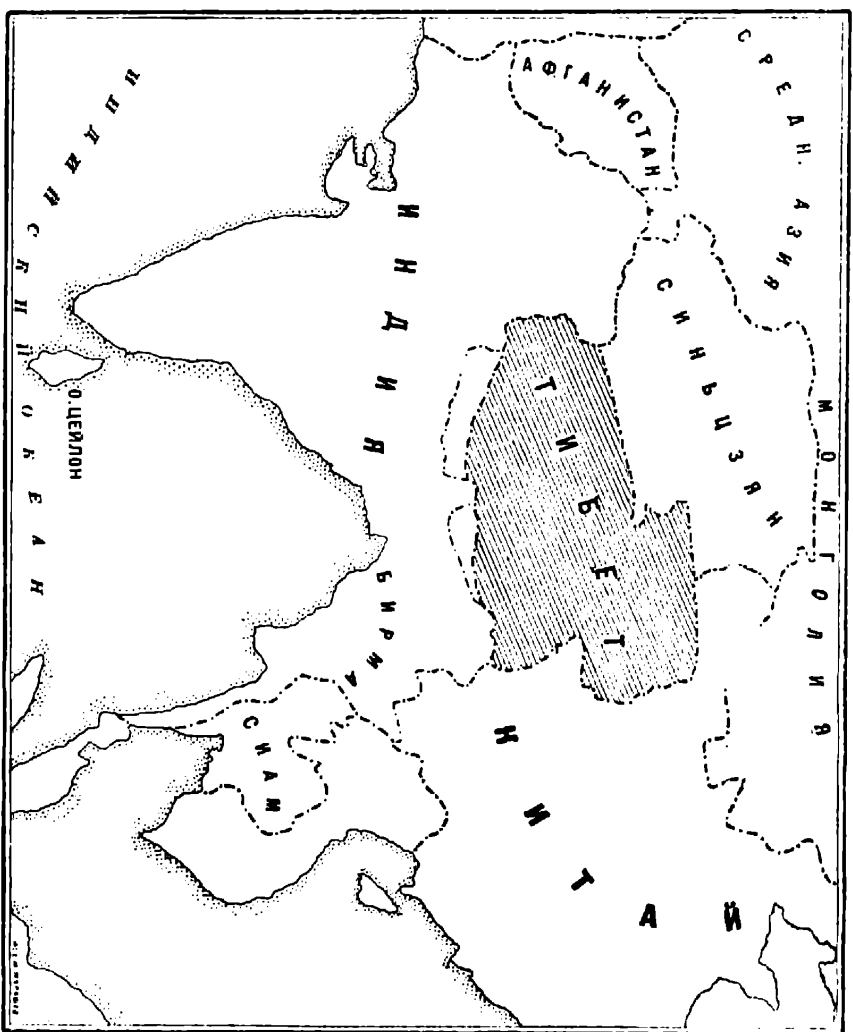
В Китае, равно как и в иностранных дипломатических кругах, особенно британских, из описываемых Мак-Говерном персонажей наибольшее внимание привлекает к себе в последнее время Паньчэнь-лама, все еще проживающий на китайской территории, чьи эмиссары, покровительствуемые нанкинским правительством, проявляют необычайную активность.

В Пекине, в Ганьсу, в Сычуане, а также во внутренней Монголии представители Паньчэнь-ламы организуют политические бюро, субсидируемые Нанкином, целью которых является, как об этом свидетельствуют выпускаемые ими воззвания, избавить Тибет, этот „пограничный бастион“ Китая, от „англофильской клики“, возглавляемой далай-ламой, клики, не стесняющейся быть „слугою тигра, уже несколько лет угнетающего Тибет наравне с Индией и Бирмой“.

Таким образом так называемый тибетский вопрос, то или иное разрешение которого непосредственно интересует не только Китай, Великобританию, Внутреннюю, а отчасти и Внешнюю или Красную Монголию, вновь выдвигается на очередь дня, что, разумеется, придает книге Мак-Говерна интерес подлинной актуальности.

А. Ивин

ПЕРЕОДЕТЫМ В ЛХАССУ

Положение Тибета в Азии

Г л а в а I

ТИБЕТ И ТИБЕТЦЫ

Долго Тибет оставался неизвестной, таинственной страной, а его столица Лхасса — запретным городом будд, в который тщетно пытались проникнуть отважные исследователи. И природа и жители сделали страну почти недоступной. Огромное плоскогорье, занимаемое ею, имеет среднюю высоту в 4572 м над уровнем моря, т. е. высоту Монблана, высочайшей вершины Европы. Оно окружено и пересечено горными цепями еще более высокими — часто превышающими 6096 м — покрытыми вечными льдами и снегами.

Тибет, занимающий площадь свыше миллиона квадратных километров, лежит между двумя плодородными странами — Индией и Китаем. Это — чрезвычайно холодная страна, почти сплошная пустыня: здесь только местами растет тощая трава, которой питаются олени, дикие ослы, яки да стада овец и рогатого скота. Культивируется исключительно ячмень, созревающий лишь в более защищенных частях территории. Но непочатые недра укрывают огромные, почти неисследованные запасы рудных богатств. Жители рассеяны на обширном пространстве. Они ревниво оберегают его от иноземного вторжения. Многие из них — кочевники, с места на место передвигающиеся со своими стадами. Иные живут кучно в деревнях. По соседству с более крупными городами,

на высоких горах или на краях глубоких пропастей стоят старинные гигантские каменные крепости, грозно смотрящие на равнину. Еще более многочисленны монастыри, потому что Тибет — страна монахов: на четверых мужчин один приходится духовного звания. Монахи живут общинами в обширных зданиях, расположенных вдалеке от жилья. Однако монастыри не являются мирными обителями: множество „воинствующих монахов“ проводит время в ссорах и драках. Это — дерзкие, дикие люди. Случается, что один монастырь затевает войну с другим, иной раз банды монахов врываются в города, хватают и изрубают на куски какого-нибудь не нравящегося им местного администратора. Монастыри, насчитывающие сотни и тысячи монахов, держат в страхе целые округа.

В самом сердце этой мрачной страны находится священный город Лхасса. Здесь живет далай-лама, царь и верховный жрец своего народа, видящего в нем воплощенного бога. В своем великолепном дворце, в Потале, он в торжественных случаях окружается всей помпой, подобающей обожествленному лицу. На прием и на поклонение к нему являются с богатыми дарами паломники со всех концов Тибета.

Тому, кто пожелает проникнуть в Лхассу, предварительно предстоит преодолеть огромные физические трудности, встречающиеся на пути к порогу страны. Даже в том случае, если он и выйдет победителем из льдов и снегов, крутых ущелий и отвесных скал, то по прибытии на плоскогорье встретит озлобленное население, которое станет загораживать ему путь и настаивать на немедленном уходе. С давних времен неоднократно, с помощью различных переодеваний, делались